

Яркий, солнечный день завершился. На ближайших хребтах, в густых ельниках ещё лежал осевший, покрытый настом снег. А елань и ближайшие поляны уже освободились от снега, и земля парила, разомлев под солнцем. Весенние ручьи, весело журча, словно переключаясь между собой бубенцами, мчались по пихтовым распадкам и логам к Большому Кемчугу. Река вскрылась, и льдины, ломая друг друга и кроша свои остатки, увлекаемые какой-то величавой природной силой, заполнив всё видимое пространство, неудержимо неслись в густом дремучем распадке к далёкому Чулыму.

Мы после отдыха в таёжной глухомани собирались отъезжать домой в город. Хозяин-егерь, добродушно поглаживая рукой густую бороду и хитро поглядывая на нас, отговаривал от поездки: мол, оставайтесь, банька ещё не остыла, а если нужно, то он сейчас подбросит дровишек. Буян и Рада, чистокровные эвенкийские лайки, прыгали и мешали нам собираться. Но впереди была рабочая неделя, нужно было возвращаться.

И как ни уговаривал нас радушный таёжный отшельник, мы, с уговором, что вскоре наведаемся вновь, отъехали от таёжного и гостеприимного стана. Вечерело. Лесная дорога, то взбегая на пригорки, то резко уходя в заросли и густые просеки, непросохшая, вся в ямах и рытвинах,

тянулась к далёкому лесному посёлку, а там ещё немного — и на трассу.

Подъехали к Кемчугу. Река взбугрилась, поднялась и неслась, сметая всё, что накопилось на её берегах за долгую зиму, а в низинах уже местами вышла из берегов, стремительно заполняла вешней водой луга, кустарники и низинки и подбиралась к лесной дороге. На правом берегу, где мы притормозили, берег был довольно высокий, и половодье ещё не коснулось дороги и деревянного старого моста через реку, но на противоположном берегу разлившаяся река уже подкрадывалась к насыпи, по которой проходила дорога. Полюбовавшись яростью реки и убедившись, что мосту ещё не грозит опасность, переехали через него. Да и впрочем: на следующий день нам позвонил егерь, справившись, как мы доехали, сообщил нам весть, что река в ночь напроочь смыла мост, и если бы мы остались ещё на день, то не выехали бы из тайги, пока вода в реке не спала. А это ждать примерно с месяц...

Вместе с тем, переехав мост, выехали на дамбу; дорога немного улучшилась и стала более-менее походить на проезжую. Смеркалось. Не спеша едем по дамбе, вода уже местами подходила к ней, неся с собой сучья, щепу и всякий весенний мусор. Но что это? В лучах фар стали появляться по сторонам белые, серые фигурки, которые бежали, скакали, прыгали к дамбе... Внимательно смотрим: что за диво?! Да это же зайцы!!! Пока мы рассматривали тех, кто бежал рядом с нами к дамбе, впереди, насколько выхватывали лучи фар, на дамбу выскакивали «косые». Да сколько же их?!!! Им не было числа! Они метались по дамбе вперёд-назад и от страха останавливались...

На другой стороне дамбы также стояла вода вровень с дамбой, и им просто некуда было деваться. Единственное место, которое ещё не затопила вода, это был верх дамбы и дорога. Они все удирали сюда, спасаясь от половодья. Да, картина была что надо. Ночь, на небе полная луна, которая холодно отражалась в майской воде, дорога среди зарослей тальника и сотни перепуганных зайцев. Медленно едем по

дамбе, зайцы не трогаются с места, прижав уши, в глазах покорность, — запрудили всю дорогу и мешают нам двигаться дальше.

Стучим, открыв передние дверки машины, но они, отпрыгнув на обочину, сидят, сжавшись в комок и прижав со страху уши к голове, и не убегают: им некуда бежать, и они безропотно отдаются судьбе

Медленно-медленно продолжаем движение, за машиной «косые» сразу заполняют проезжую часть, но не бегут, а сидят, подняв уши. Они разные: довольно крупные — русаки, их тоже здесь немало, и помельче — беляки, — но все они беззащитны, доверие в этот момент к нам и своей судьбе безгранично. По цвету и окрасу невероятно разные: белые, бело-серые, серые, серые с желтоватым опалом...

Да сколько же их?!

А глаза! Их раскосые глаза, прижатые уши и покорность — это надо было видеть...

Протяжённость участка на дамбе, где сосредоточились зайцы, была не менее трёх километров. Мы проехали это расстояние более чем за час... Но зато всех зайцев оставили целыми, живыми. Я думаю, зайцы нам за это были благодарны. А на вопрос, почему мы за уши не взяли двух-трёх зайцев, отвечаю: пользоваться такими обстоятельствами, когда зайцы оказались в беде и беззащитны, — грех, меньших братьев в беде не губят, а спасают. Да и хвалиться, что, мол, добыли в лесу зайцев и не сделали ничего такого, чтобы их спасти, — это подло...

Нет, наши зайцы остались живы, вода к утру на противоположной стороне дамбы спала, появились тропинки, сухие места, и они разбежались, беда миновала их, и они спаслись. А мне приятно это вспоминать. Да разве такое забудешь?..